
МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 821.161.1: 821.161.3 «19» «20» 09: 811.161 – 085.3 : 2 – 13

Сакрализация литературы и вызовы XXI века

И. Н. АФАНАСЬЕВ

Значение словесности в историческом выборе народа и государства, определении и утверждении истинных национально-патриотических приоритетов невозможно переоценить. Этим восточнославянская духовная традиция была жива. От недостатка этого страдает сейчас.

Каждому специалисту или даже просто любителю книги памятно само пришествие письменности на восточнославянский исторический простор. Это была Книга Божественная, в ореоле святости и абсолютного доверия к Слову [см.: 1, с.6 - 7], без которого не могла бы состояться великая русская литература и не смогла бы утвердить свою жизнеспасительную миссию словесность белорусская, которой сама белорусская нация обязана своим существованием на чудовищных перепутьях исторических катастроф и забвения. Неудивительно, что и национальное строительство начала XX века, и новое национальное Возрождение конца XX века начинались как своего рода литературные проекты, изначальный смысл которых еще не был искажен нынешним коммерческим интересом (отсылаю всех к любопытной классификации писателя, литературоведа и главного редактора «Литературной газеты» Юрия Полякова, предполагающей наличие писателей и ПИПов – т.е. Персонифицированных Издательских Проектов). Ссылка на коммерциализацию в данном случае – не дань критической моде сегодняшнего дня. Коммерциализация, прагматическая заинтересованность – тот корневой контраст, который свидетельствует истинное и ложное в наших литературных пристрастиях. Если угодно, в зависимости от отношения к ней мы определяем либо нет родовое качество славянской словесности, ее тип духовности, осмысленный в работах С. Аверинцева: чистое (равно: «незаинтересованное») страдание, жертвенность как потребность души, а не идеологического обеспечения поступка. С.Аверинцев вслед за Н.Бердяевым напоминал, что первые святые Борис и Глеб были невинно убиенными, и их мученическая смерть, прежде всего, несла в себе идею чистого страдания (даже не за веру), человеческой беды как таковой. Для Н.Бердяева же «подвиг непротивления – русский подвиг» [2, с.208] Быть может, именно поэтому религиозный дух так органично уживался в классической русской литературе с земной, бытийной (со-бытийной, не отстраненной, доступной) «светскостью» ее переживания и моления о человеке, что позволило литературе явить ее особую востребованность в разные исторические эпохи и в разнообразном, нередко взаимоисключающем идеологическом контексте. В этом смысле «чистое» страдание быковских героев-земледельцев в «Знаке беды», стремящихся прервать цепь зла, что тянется из довоенных 1930-х в полымя 1940-х и кормится насилием, даже праведно-неизбежным, и формирование новой – канонической – русской литературы после петровского перелома в судьбе Руси имеют общие предпосылки. Сошлюсь на глубокое и пронизательное суждение академика А.Панченко о том, что после упразднения патриаршества Петром Великим и своеобразного огосударствления Церкви под эгидой Святейшего Синода с обер-прокурором, назначаемым царём, во главе именно русская литература возложила на себя миссию независимого духовного заступничества, сопоставимого с той ролью, которую в допетровские времена играла русская церковь. Именно отсюда проистекает пастырское начало русской классики и поистине апостольское величие ее творцов. Оно сохранялось на самых крутых и радикальных переломах общественной и культурной жизни, но оказалось серьезно поколеблено сегодня.

Специалисты-филологи прекрасно знают о существовании концепций истории русской литературы XX века, в основу которых положен принцип События. Применительно к

XX столетию эти события угадываются без труда: Октябрьская революция 1917 года, Великая Отечественная война, а теперь еще Чернобыль и гибель Советского Союза.

При всем неизбежном левачестве, без которого не обходится никакая революция (иначе она перестанет быть собой), писатели традиционного канонического толка продолжали оставаться необходимой частью духовной (не говоря уже о собственно литературной) парадигмы. Пускай даже в качестве тех, кого следовало сбросить с корабля современности, выслать на чужбину на пароходе философов, объявить всего лишь попутчиками пролетариата в известной дискуссии середины 1920-х годов. Однако эта ветвь неэмигрировавшей русской литературы, представленной именами Пришвина, Булгакова, Вересаева, «возвращенца» А.Толстого, Сергеева-Ценского, близких им по писательской планиде молодых, оставалась активным действующим лицом в определении духовных приоритетов самой новой жизни. И эту их роль никто всерьез не мог оспорить. С одной стороны, Осип Брик провозглашал «Разгром Фадеева» (именно так, в буквальном, прямом смысле слова, без всяких кавычек) – с другой, некто иной, как большевик Фадеев возвращал молодую коммунистическую литературу к традициям толстовского романа с его психологизмом и диалектикой души, бурно приветствуемый нетерпеливыми ревнителями революционной новизны. Слом эпох удивительным образом щадил преемственность духовного развития, только обозначая его взаимоисключающие полюса. Увы, в нашей с Вами современности мы становимся свидетелями того, как лучшая, классическая часть нашей литературной реальности просто перестает быть ее принадлежностью. Где в широком массовом литературном сознании В.Распутин? Где славные писатели фронтового поколения? Похоже, что сама «парадигма» современной духовной жизни в них не нуждается: ни в каком качестве. И даже в качестве полюса противостоящего. Их просто нет. И вот это уже действительно сотрясение основ.

Когда мы говорим о советском литературном опыте, априори трагическом, порой беспощадном к его созидателям, мы невольно оперируем тем духовным инструментарием, который очень кратко, поверхностно был охарактеризован выше. Н.Бердяев неслучайно говорил о религиозном характере русской революции, называя пофамильно ее «духов»-предтеч: Гоголь, Лев Толстой, Достоевский и указывая в труде «Русская идея» на то, что «основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни. Русская литература будет носить моральный характер, более, чем все литературы мира, и скрыто-религиозный характер» [2, с.224].

Что такое богостроитель Горький, как не медиум, гуру, андеграунд русской корневой, исконной жизни – сначала рубежа XIX-XX веков, а затем, после первого триумфального путешествия «По Союзу Советов» в конце 1920-х годов, – ее духовный лидер, когда создателю культового предреволюционного романа «Мать» было уготовано почетное место на трибуне Мавзолея рядом с «Отцом»? В советской цивилизации, о которой столько споров сегодня, литература начинает играть роль государствообразующей реальности. Даже строительство единого Союза советских писателей, на котором много потрудился Алексей Максимович, несет в себе тайный замысел отдельных творцов по сакрализации новой-старой роли писателя, пастыря, ловца человеческих душ, которого по моде тех душеподъемных дней величали «инженерами человеческих душ» (выражение Ю. Олеси, позднее приписанное Сталину). Это своего рода метафизика писательского радения, для которой были найдены приемлемые формы государственной целесообразности, не отрицавшие литературу как духовный инвариант Отечества. Сейчас в каждой бывшей республике Советского Союза таких писательских объединений множество. Наверное, это в творческом отношении и неплохо. Но вот что любопытно: стоило писательским сообществам современной России сравнить себя с профсоюзом, профессиональным цехом, акционерным обществом – т.е. такими объединениями по коммерческому, корыстному интересу, как всё их рвение оказалось направлено на имущественные споры, которые до сей поры сотрясают российскую писательскую общественность. Десакрализация писательского труда жестоко мстит за себя.

Эти плоды в своей профессиональной учебной деятельности вкушаем и мы.

Современное молодое поколение – особенное. Оно родилось после Чернобыля. Мир дочернобыльский им не известен, а неизвестность навряд ли воспримешь как реальность. Ско-

рее, как сказочную... быль. В записных книжках Алеся Адамовича остался (в набросках) сюжет одного ненаписанного рассказа о том, как с очень могучей державой случилась ядерная беда, после которой не живут. Но те, кто был в бункере, – выжили. И прессой, победными реляциями, славословиями в честь новых достижений создали такую иллюзию благополучия и процветания (после смертоубийственной катастрофы), что недружелюбные соседи в страхе призадумались: если ЭТИ сумели выжить после такой чудовищной беды, то что сделают со всеми другими, когда по-настоящему окрепнут? И чтобы обезопасить самих себя, всей ядерной военной мощью по обманщикам (которых считали честными людьми, благоденствующими во всех бедах) ударили. Погубив не ту горстку в бункере, что осталась от народа, – истребив самих себя [см.: 3, с.23 – 24, 27]. Грустная история, заставляющая задуматься о том, насколько мы сами подготовлены к ценностному выбору между реальностью виртуальной и жизнью действительной, где всё болит по-настоящему и умирают – навсегда. Литература, искусство в этом выборе имеют решающее значение. Однако не произошла ли эта виртуализация на уровне самого механизма нашего мышления со всеми этими по поводу и без повода «как бы», «на самом деле», «пиар», «команда», когда жизнью правит не результат, а «технология»? Как говаривал остроумец Ежи Лец, «в действительности всё не так, как на самом деле»... Всякий ли современный литератор, обозревая сделанное в творчестве, может подчинить его одному-единственному поступку, который несет в себе память о сакральном Слове-событии, как это было под силу А.Адамовичу, сообщавшему критику И.Дедкову о своем письме М.Горбачеву с просьбой о помощи Беларуси после Чернобыльской катастрофы: «...все мои книги не идут ни в какое сопоставление с одним этим отчаянным письмом...» [3, с.95]? Обретет ли кто-нибудь из новой генерации сочинителей право заявить о сделанном в самой жизни методом «до упора», начав отсчет по А.Адамовичу: «Способствовать рождению жанра таких книг, как “Блокадная” и “Огненная”» [3, с.69]? Документальных беспощадных книг, которые были написаны самой жизнью. Книг, в которых продолжилось Событие.

Литература, разлученная с историей; писательство, освободившееся от события, заменившее сакральное действие имитацией его игровой доступности, влекут человека к духовной катастрофе. В итоге самой истории надлежит исчезнуть из оценочного ряда. Исторические лакуны, с которыми приходится сталкиваться в практике преподавания литературы, ошеломляют. Не говорю о Багратионе, которого называют полководцем Великой Отечественной войны. И никоим образом не осуждаю милую девочку, которая в ответ на просьбу соотнести семейное предание с известными ей произведениями о Великой Отечественной войне совершенно спокойно, с каким-то отстраненным бескорытием сообщает, что дедушка ее был полицейай и найти что-то на эту тему в литературе она не может.

Найти-то можно, но от совета девочке воздерживаешься, ибо не только сыновья и дочери, но и внуки за прародителей своих не в ответе. А литература наша при всем драматизме и трагизме судеб героев, конфликтовавших друг с другом иной раз смертельнее, чем с внешним неприятелем, все-таки ощущения «своего»-«чужого» не теряла. И девочка эта, прочти она быковского «Сотникова» или «Карателей» А.Адамовича, не должна испытать страдальческой укоризны преданных и погубленных. Потому что она – «своя», не «чужая». Но современное писательство этим ее выбором озабочиться не спешит. Между тем, он сам по себе может состояться как выбор высокой словесности, где всё на высшем накале: и наши претензии по поводу исторического беспамятства, и небесспорные попытки литературы его преодолеть.

Например, в романе Г. Владимова «Генерал и его армия», самом «толстовском» романе о Великой Отечественной войне, написанном на закате XX века и вызвавшем бурную дискуссию о пределах нашей исторической памяти. И гомельской, кстати говоря, тоже.

Гомельской потому, что одним из невыдуманных героев этого романа является генерал Власов, назначенный командующим 20-й армией в битве под Москвой, заместителем которого был наш земляк Герой Советского Союза Александр Ильич Лизюков. Пытаясь охладить толстовской эстетикой ожесточение великой войны, Г. Владимов завязывает сюжет романа на попытке главного героя произведения генерала Кобрисова, образа собирательного, провести наступательную операцию так, чтобы избежать столкновения уже с армией Власова-предателя, которого знал другим человеком еще по московским боям. Сберечь русский народ, спасти от искупительного огня в подспудной, неосознанной надежде на будущее собирание всего Отечества, которое и так избыточно растеряло себя в жестоком противостоянии фашизму. Посыл благороден, и в своем милосердии и христианской страдательности

вполне гармоничен – с точки зрения литературного качества и успеха, правда, неистово оспоренного писателем-фронтовиком и смершевцем В. Богомоловым, в отличие от которого Г. Владимов смершевцев не жаловал и сам по малолетству вообще не воевал. Однако за эстетической гранью, которая уже не знает добра и зла, исчезает событие, которое эстетизации и романизации заведомо чуждо. Одна его ипостась – тот самый генерал Власов, выбравшийся из Киевского окружения 1941 года в одежде крестьянина, с козой на привязи и воспалением среднего уха, из-за чего в решающие моменты Московского сражения не только не руководил вверенной ему армией, но даже отсутствовал на командном пункте вплоть до конца декабря. Другая ипостась события – Лизюков, в отсутствие командарма осуществляющий руководство войсками, в ближнем бою освобождающий Солнечногорск под Москвой, удерживающий немецкий прорыв под Воронежем летом 1942-го в ранге командарма 5-й танковой армии, погибающий в этом кромешном аду, не погребенный по воинскому обычаю и исчезающий в подозрении Сталина, которому уже известно о предательстве Власова. У одного из героев Московской победы (не Власова – по версии талантливого романиста, а Лизюкова, нашего земляка – по логике самого сражения) эстетика, разделенная с событием, эту победу отнимает. И до сих пор мы читаем о Лизюкове на Борисовской переправе 1941 года у К. Симонова (в «Живых и мертвых» и «Разных днях войны») и А. Анфиногенова (в романе «Юго-Запад, 42, фронтовая трагедия»). Читаем у И. Стаднюка (в романе «Война») о героизме Лизюкова на Соловьевской переправе под Смоленском, комендантом которой он был. Однако подвигу Александра Лизюкова на подступах к советской столице по-прежнему отзывается молчание. Одолением исторической немоты, соединением слова и события, восстановлением той системы координат, в которой добро и зло не химеричны, а действительны, только и может явить себя собрание Отечества, к которому Слово и мы призваны по нашей изначальной сути и по великой, бессмертной традиции многовекового служения.

Кажется, сегодняшнему дню, который ободряет себя собственной самодостаточностью и бесконечностью будущего впереди, можно не оглядываться на стариков. Что и говорить, уходящая натура... Вот только патриарх русской литературы, фронтовик и заступник классической русской культуры и словесности Даниил Александрович Гранин, шествуя в году 2008-м навстречу своему 90-летию, берет в руки перо, чтобы в исповедально-горьких размышлениях о былом и наступившем «Листопад», опубликованных в журнале «Звезда» (2008, №№ 1,2), удивительно точно, убийственно точно откликнуться на смешливое безрассудство современности, как оно того заслуживает, и записать, поразмыслить вслух: «Если ты беременна, то это временно. Если ты балда, то это навсегда» [4]...

Abstract. The paper presents the problem of the interaction of culture, literature and history from the point of view of sacral nature of word in the Slavonic tradition on the material of Russian and Belarusian literatures. The role of a writer is considered in the context of esthetic traditionalism and its variants in the literary practice of the XX-XXI centuries

Литература

- 1 Синявский, А. Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры / А. Д. Синявский. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
- 2 Бердяев, Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века: Главы из книги / Н. Бердяев // Русская идея: в 2 томах: сб. науч. трудов / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2. – С. 204 – 286.
- 3 Адамович, Алесь. ...Имя сей звезде Чернобыль / Алесь Адамович. – Минск: Ковчег, 2006. – 544 с.
- 4 Гранин, Даниил. Листопад / Даниил Гранин // Звезда [Электронный ресурс]. – 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2008/2/granin.htm>.